

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАКСИМИНА И ПОЗИЦИЯ СЕНАТА

3. Мишина

Большинство буржуазных историков склонны рассматривать римские события III в., в частности, связанные с выступлением Максимиана, главным образом, как непрерывную цепь выступлений армии, разнузданной, недисциплинированной, избалованной благодаря попустительству целого ряда императоров, которые или получили власть при помощи армии, как Септимий Север, или же правили, исключительно опираясь на армию, как Коммод и Каракалла. Кроме того, по мнению многих историков, причиной политических потрясений в Римской империи являлось отсутствие определенного, установленного законом порядка замещения императорского престола.

Еще Г и б б о н в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» считал, что распространение Каракаллой римского гражданства на жителей провинции, заменившее «различие рангов» «различием профессий», было низвержением последнего оплота римской конституции и, в конечном счете, повлияло на изменение состава и характера армии: «Военное ремесло... было предоставлено крестьянам и пограничным варварам, которые не знали иного отечества, кроме своего лагеря, не знали никакой науки, кроме военной, не имели понятия о гражданских законах и едва ли были знакомы с правилами военной дисциплины»¹. «С своими окровавленными руками,—продолжает Гиббон,—с своими дикими нравами и отчаянной смелостью они иногда охраняли императорский престол, но гораздо чаще ниспровергали его». Максимиан в изображении Гиббона является типичным детищем такой армии, варваром по происхождению и по духу, с непомерным честолюбием, которое он мог удовлетворить, поскольку отсутствие установленного порядка замещения императорского престола давало возможность самым ничтожным людям, добившись высокого поста в армии, путем преступления заместить своего повелителя².

При описании карьеры Максимиана до и после его возвышения Гиббон следует, главным образом, Капитолину (SHA), причем некритически принимает на веру все его анекдотические подробности. Отношение Гиббона к низшим классам римского населения таково же, как у его источ-

¹ Г и б б о н—История упадка и разрушения Римской империи, перевод Неведомского, изд. 1883 г., т. I, стр. 224—225.

² Там же, т. I, стр. 228.

ников—Капитолина и Геродиана, он так же отводит им мало места, подчеркивает своеволие, суеверие толпы, ее нежелание подчиняться дисциплине и склонность к мятежам.

В противовес этой традиционной точке зрения в работах некоторых новых исследователей делается попытка дать более глубокое объяснение событиям правления Максимиана. Домашевский («Geschichte der göttischen Kaiser», Leipzig, 1909) рассматривает возвышение и правление Максимиана, как господство восточных народов, в частности иллирийцев, над ослабевшей и разлагавшейся империей. Однако он тоже склонен считать главным виновником слабости и разложения государства войско, которое представляло собой разнuzданные, одичалые отбросы, неспособные и не желающие охранять границы государства и противостоять врагу, готовые вместе с врагами грабить население империи и делающие невозможным справедливое правительство. Сенат, по мнению Домашевского, заключавший в себе последние остатки культуры, в момент борьбы с Максимином сумел организовать сопротивление, достойное прошлого, некогда мирового положения.

В западноевропейской науке последних лет своеобразным характером отличается точка зрения Ростовцева на исследуемый нами вопрос, которую он развивает в своей работе—«Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich».

Точка зрения Ростовцева на события III в., а в частности на Максимиана и борьбу, вызванную его выступлением, определяется двумя основными моментами: во-первых, всей его исторической концепцией, модернизирующей отношения античного общества, и, во-вторых, его политическими воззрениями на революционное движение, его ненавистью к Октябрьской революции. По Ростовцеву, античный мир прошел несколько циклов развития. Все эти периоды заключали в себе различные формы капитализма. Кризис III в., по мнению Ростовцева, являющийся не только политическим, но и социальным, означал борьбу масс крестьянства в лице армии против «буржуазии» городов, которая, постепенно заняв место старой аристократии, играла ведущую роль в истории античного мира и была носителем античной культуры. Армия, по его мнению, является представителем народных масс, главным образом крестьянства (des flachen Landes), исключенных из участия в городской культуре. Стремление императоров, особенно Севера, поднять этот класс и сделать из него «деревенскую буржуазию» только пробудило в нем сознание своего низкого положения и чувство зависти и ненависти по отношению к городской буржуазии, как к привилегированному классу. Эти чувства, как думает Ростовцев, и находили выход в армии, состоявшей исключительно из крестьян; войско оказывало свое давление на императоров, возражая против всяких уступок «буржуазии». Максимиана Ростовцев считает настоящим солдатским императором, целью которого было раздробление основного ядра римского общества, поскольку оно базировалось на городах. Этим Ростовцев объясняет политику Максимиана, его террор против аристократии, вымогательство денег не только у аристократии, но и у «городской буржуазии». Считая Максимиана вождем крестьянской массы, Ростовцев движение против него в Африке рассматривает, как восстание городского населения, вождем которого была группа африканских аграриев, и возражает тем историкам, которые считают африканские события восстанием крестьян. Движение в Италии против Максимиана тоже представляло собою, по мнению Ростовцева, отчаянную борьбу городов против солдат и их вождя, солдатского импе-

ратора. Сенат же, являясь представителем «городской буржуазии», взял на себя задачу организовать эту борьбу. Ненависть к Максиминому тех, кто видел в нем виновника гибели античной культуры, Ростовцев считает вполне оправданной. Победа Пупиена и Бальбина над Максимином для Ростовцева означает победу «буржуазии», победу образованных классов. Результатом же победы крестьянства, по его мнению, оказался общий упадок хозяйственной, политической и интеллектуальной жизни старого мира, на месте которого создалось государство, основанное на всеобщем невежестве, порабощении, продажности и бесчестии. Итак, вытекает из его рассуждений, — движение угнетенных масс действует только разрушающе, не создавая взамен ничего положительного, даже не улучшая положения самих масс. Таков вывод Ростовцева, который в истории прошлого отыскивает аналогии с ненавистной ему Октябрьской революцией в России.

Точка зрения Ростовцева на характер правления Максимиана не получила признания даже в буржуазной литературе. *Abbott* и *Johnson* («Municipal Administration in the Roman empire», London, 1926) считают недоказанным положение Ростовцева о том, что борьба в III в. велась между армией и богачами, и что Максимиан в качестве представителя и покровителя крестьян преследовал привилегированные классы. Фактическая история, по мнению *Abbott* и *Johnson*'а, — против Ростовцева, так как те жалобы, на которых Ростовцев основывает свои доказательства, считая их жалобами солдат, являются на самом деле жалобами крестьян на солдат и свидетельствуют о падении крестьянства, а не о возвышении его, как это пытается доказать Ростовцев.

Точку зрения Ростовцева в СССР до последнего времени протаскивал «историк» Ковалев. Так, например, в своей истории античного общества этот «историк» называет правление Максимиана «диктатурой армейских низов», направленной против имущих классов. Такая оценка Максимиана основана целиком на ростовцевской аргументации, в частности, на его характеристике состава армии, как исключительно крестьянской и потому отражавшей интересы крестьянских низов римского общества, а также на прямой фальсификации источников о терроре Максимиана против имущих классов, из-за которого Капитолин сравнивает его правление с правлением Спартака и Афениона. Будучи целиком на поводу у Ростовцева, Ковалев замалчивает, что армия, каков бы ни был ее состав, все же являлась опорой императорской власти, имела свои профессиональные интересы, враждебные интересам крестьян и низших слоев населения империи. Для «историка» Ковалева не существует таких фактов, как участие крестьян в выступлении Гордианов в Африке против Максимиана, выступление против него низов римского населения и населения Италии; уже одно это говорит за то, что господство Максимиана далеко не отражало интересов крестьянства. Ковалев занимается открытой фальсификацией истории. Он сознательно не учитывает того, что крестьяне были обременены различными повинностями и обязанностями для содержания войска, которое, помимо того, нередко занималось прямым грабежом населения, вызывая этим жалобы его, о чем свидетельствуют некоторые надписи. С другой стороны, террор Максимиана по отношению к сенаторам не представлял из себя совершенно необычного в истории императорской власти явления, а являлся логическим развитием политики других императоров.

Переходя к конкретному проявлению различных линий борьбы в событиях, связанных с выступлением Максимиана, прежде всего остановимся

на личности самого Максимиана, его социальном и политическом облике. Максимиан был родом из фракийской деревни и в детстве пас стада, т. е. происходил, очевидно, из крестьян. Источники также говорят о его варварском происхождении. Отличаясь большой физической силой и необыкновенным ростом, Максимиан начал свою военную карьеру в конном войске. Основной наш источник, Геродот, говорил лишь в общих словах о прохождении военной карьеры ἐλθὼν διὰ τάξεως στρατιωτικῆς; Максимианом (Herod., VI,8). Какие он занимал должности, мы точно не знаем. На основании слов Геродиана, что Максимиан занимал должность στρατοπέδων δὲ ἐπιμέλειαν, Ван Гр¹ делает вывод, что это означало всадническую praefectura legionis, а Нолл (статья «Julius» в RE) говорит, что эту должность Максимиан должен был занимать в Египте; так как там командовали всаднические префекты вместо сенаторских легатов. Аврелий Виктор (25,1) говорит о Максимиане, как о praesidens rei bellicae. На основании одного места в речи Максимиана, которую передает Геродиан, можно предполагать, что во время войны с персами, которую вел Александр, Максимиан был начальником войска в Месопотамии—στρατοπέδων ἡγούμενος (Herod., VII,8). Как бы ни были отрывочны сведения о военной карьере Максимиана, мы можем все же думать, что уже до захвата им императорской власти он занимал высшие военные должности, следовательно, был тесно связан с военной бюрократией, что не дает нам права считать его представителем революционных низов, как это делает белоэмигрант Ростовцев и пропагандист его—«историк» Ковалев. Очевидно, уже после персидской войны Александр назначил Максимиана praefectus tironibus (ἐπέστρεψε πύση τῆ τοῦ στρατοῦ νεολαία—ibid., VI,8), большинство которых были паннонцы. В качестве способного, сильного и храброго начальника Максимиан сумел привлечь к себе симпатии своих подчиненных; Геродиан говорит также, что он привлекал их дарами и отличиями (VI,7). Как раз в это время (234 г.) нарастало недовольство войска и, главным образом, той его части, которая состояла из паннонцев и иллирийцев, Александром Севером. Это недовольство началось еще раньше, во время персидской войны, которую Север вел довольно неудачно.

Когда после проигранного сражения, где погибла большая часть римского войска, Александр возвратился в Антиохию и, воспользовавшись передышкой, вел беспечный образ жизни, с севера пришло известие о нападении германцев, перешедших Рейн и Дунай, на прибрежные римские провинции. Это вызвало большое недовольство иллирийцев и паннонцев, находившихся в войске Александра, которые и до этого страдали от непривычного для них жаркого климата (Herod., VI,7), а теперь еще сердились за то, что Александр медлит итти защищать их родную страну. Придя со всем войском на Рейн, Александр и здесь продолжал медлить, предпочитая заключить с германцами мир ценою любых уступок, нежели вести новую и опасную войну.

В этой обстановке возмущение войска, главным образом, иллирийцев, достигло своего предела и вылилось в открытый бунт против императора. Войско стремилось выдвинуть своего императора. Выбор войска пал на Максимиана, как на популярного и способного полководца, к тому же их συστρατιώτην καὶ σύχηρον, как говорит Геродиан (VI, 8). Максимиан был провозглашен императором тою частью войска, которою он командовал, и когда это войско двинулось к лагерю Александра, от последнего

¹ Цит. по Нолл, RE, 10 art. 526.

отпала остальная часть армии и перешла на сторону Максимиана. Александр был по приказанию Максимиана убит в своей палатке. Это событие произошло в марте 235 г. О вступлении на трон Максимиана мы имеем сведения и более поздних писателей. Аврелий Виктор (Caesares, 25,1) говорит: *Gaius J. Maximinus primus e militaribus... potentiam cepit suffrago legionum.*

В таком же духе об этом факте свидетельствует Орозий (VII, 19, 12): *Anno ab urbe condita DCCCCLXXXVIII Maximinus vicensimus secundus ab Augusto nulla senatus voluntate imperator ab exercitu, postquam bellum in Germania prospere gesserat, creatus.* Почти то же самое мы находим у Евтропия (IX, 1—3) и Капитолина (с. 8).

У Иеронима, Кассиодора и Иордана в этом пункте также почти полное совпадение с вышеперечисленными авторами¹.

Как мы видим, все писатели подчеркивают, что Максимиан был первый, который из простых воинов, не будучи сенатором, по выбору войска был сделан императором. Капитолин, Орозий, Евтропий, Иероним, Кассиодор утверждают, что он сделался императором помимо воли сената. Аврелий Виктор, однако, говорит далее (25,1), *quod tamen etiam patres, dum periculosum existimant inermes armato resistere, approbaverunt.*

Наш основной источник, Геродиан, ничего не говорит о том, был ли Максимиан официально признан сенатом или нет. Обычно на основании тех фактов, что Максимиан якобы не был признан сенатом и даже не просил об этом признании, что он никогда за время своего правления не был в Риме, делают вывод, что Максимиан совершенно не хотел признавать сената, а сенат в свою очередь не считал его законным императором, и потому его правление является чем-то из ряда вон выходящим, ломающим правовые отношения, революционным. Однако имеются надписи из сенатских постановлений, в которых на Максимиана возлагаются обычные почести и титулы². Следовательно, сенат хотя, может быть, и против своей воли, все же признал Максимиана, и он является таким же законным императором, как и другие, которые тоже были выбраны войском и только потом выбраны сенатом. Из последующей политики Максимиана явствует, что он не совсем не признавал сенат и чувствовал себя законным и полномочным повелителем. Нолл³ приводит данные, что Максимиан сделал обычные при вступлении императоров подарки населению Рима, *congiarium* в размере 150 денариев на человека.

Основной своей задачей в качестве императора Максимиан считал продолжение войны с германцами (Herod., VII, 1). Правда, Геродиан объясняет это тем, что Максимиан хотел этим оправдать доверие воинов, выбравших его, но ведь оборона от варваров, война с ними составляла основную заботу Римской империи и была главной задачей каждого императора, а в данном случае здесь также особенную роль играли интересы пограничных провинций, войска которых выдвинули Максимиана на престол. Война велась Максимианом весьма успешно. Перейдя по наведенному мосту через Рейн, Максимиан опустошал земли германцев, сначала не встречая сопротивления, так как германцы отступали. Затем, когда они дошли до лесной и болотистой местности, завязалось сильное, кровопролит-

¹ Hieronymus, Chronica, 2252; Cassiodorus—Chronica Minora, II, 146; Iordan—Romana, 280 f.

² CIL, VI, 2001, 2009.

³ RE, 10 art. 526.

ное сражение (на болоте или озере на месте теперешнего Вюртемберга), в котором римское войско, увлекаемое примером своего вождя, оказалось победителем. В результате этого сражения большие силы германцев были уничтожены, взято много пленных и большая добыча. Об этой победе Максимин сообщил сенату и даже послал в Рим изображение битвы (H e r o d., VII, 2). После победы Максимин возвратился со своими войсками на зиму в Паннонию и расположился в г. Сирмии с целью вести приготовления к продолжению войны с германцами. То обстоятельство, что Максимин все время своего правления оставался в Паннонии и центром сделал г. Сирмий, особенно показывает значение Максимина, как провинциального императора. С другой стороны, это же было вызвано интересами всей империи, так как в этом пункте угрожала военная опасность. А опасность угрожала не от одних германцев. Очевидно, уже после войны с германцами Максимину пришлось вести войны с сарматами и даками. Об этих войнах Геродиан не говорит ничего. Капитолин упоминает только (с. 13), что Максимин готовился воевать с сарматами. Но о том, что Максимин воевал с сарматами и даками и одержал победы, говорят его титулы победителя: *Germanicus maximus*—с 236 г., *Sarmaticus maximus* и *Dacicus maximus* в следующем году. К 236 г. относится попытка Максимина основать свою династию по примеру других императоров, выдвинутых войском,—название его сына Максима цезарем. В этом же году сын Максимина был признан сенатом, как *principes iuventutis*, и кооптирован в коллегию жрецов (CIL, VI, 1009). Об официальном признании сенатом титулов Максимина и его сына свидетельствуют также монеты с изображением их обоих и с надписью *MAXIMINVS PIVS AVG. GERM* и на обороте: *VICTORIA AVGVSTORVM*¹.

Оба наших источника, и Геродиан и Капитолин, подробно повествуют о том терроре, который господствовал во время Максимина и который, главным образом, обрушивался на представителей сенатской аристократии и вообще имущих классов. Капитолин (с. 9) даже сравнивает его правление с правлением Спартака и Афениона. Именно на основании этих известий фальсификаторы истории объявляют Максимина представителем революционных низов, главным образом, крестьянства, целью которого было низвержение господства имущих и образованных классов. Максимин сразу же после вступления на престол начал преследования против членов сенатского сословия, находившихся в войске, но преследованию подвергались, главным образом, приближенные Александра, со стороны которых Максимин опасался заговора или возмущения, и его опасения оправдались, ибо вскоре был обнаружен заговор Магнуса—*ἡν τῶν εὐπατριδῶν*, в котором участвовали центурионы и сенаторы (H e r o d., VII, 1). Правда, относительно этого заговора в наших источниках имеется некоторое разногласие—Геродиан говорит, что Магнус был оклеветан (*διεβλήθη*), Капитолин же (с. 10) передает о заговоре, как действительно имевшем место, и лишь потом замечает, что некоторые считают этот заговор выдумкой самого Максимина. Мы не можем сказать с уверенностью, был ли действительно заговор, во всяком случае возможность такого заговора не исключена, тем более, что другое выступление против Максимина действительно имело место. Это мятеж осроенской конницы, той части войска, которую Александр привел с собой с Востока и которая была недовольна сменой императора. В этом последнем случае выступают внутренние разногласия,

¹ O. Schulz, S. 190.

существовавшие в армии, определявшиеся тем, что армия в целом состояла из легионов различных провинций и в ней тоже проявлялся провинциальный антагонизм. Те же политические цели, т. е. предотвращение возможных выступлений сторонников Александра, преследовали гонения на христиан (так как Александр покровительствовал христианам), о которых нам сообщают Орозий (VI, 28) и Евсевий (Ист. цер., VII, 19). Преследованию подверглись не христиане вообще, а только служители церкви. Политика террора продолжалась в течение всего правления Максимиана. Широко была развита практика доносов. Клеветники всячески поощрялись. Людей, на которых поступал донос, схватывали и везли, как арестантов, в Паннонию, к Максимиану, где их ждали пытки, казнь или ссылка (Herod., VI, 3). Конечно, и личные качества Максимиана, усугубленные сознанием его невысокого происхождения, играли роль в его отношениях к представителям сенаторского сословия, но во взаимоотношениях сената и Максимиана сказывался антагонизм между старой сенатской бюрократией и новой, поднимающейся из рядов войска. Максимиан, как представитель этой новой бюрократии, да еще как ставленник провинциальной армии, был, естественно, очень неприятен сенату и, сознавая это, платил ему тоже враждебным отношением.

Надо также заметить, что политика террора по отношению к сенату и вообще к знати не представляла из себя ничего нового и из ряда вон выходящего. Она была продолжением и логическим развитием политики предыдущих императоров, тоже опиравшихся в своем правлении на войско. Коммод (Herod., I, 8, 17), Каракалла (Herod., IV, 6), Элагабал (Herod., V, 6) практиковали террор против членов сената и отдельных лиц, выдающихся своим происхождением и состоянием. Даже при Александре, этом, казалось бы, идеальном для сената правителе, его мать конфисковала имения богатых (Herod., VI, 1). Методы и приемы были те же — доносы, казни без суда и следствия, конфискация имущества. Следовательно, неправильно считать Максимиана представителем революционных низов на основании его отношения к сенаторам и имущим классам. Внутренняя политика Максимиана определялась еще одним обстоятельством. Война требовала больших расходов; войско, собранное под командой Максимиана, было очень велико, Максимиан еще увеличил его численность, заботился об его обучении и снаряжении; часть этого войска, как, например, парфяне, — были вольнонаемными, следовательно, требовали уплаты (Herod., VII, 2). Государственных средств при том финансовом расстройстве, в котором находилась империя, конечно, не хватало, приходилось прибегать к различным источникам пополнения казны и одним из них, тоже не новым, были конфискации имущества осужденных. Поскольку эти меры все же были недостаточны, Максимиану пришлось прибегнуть к конфискации средств муниципальных общин, предназначенных для устройства празднеств и для раздач народу. Даже драгоценные статуи и украшения храмов и общественных зданий были конфискованы и переплавлены на деньги (ibid., VII, 3). Эти меры были, очевидно, вызваны крайней необходимостью и явились одним из оснований враждебного отношения большинства населения к Максимиану, что послужило основной причиной его гибели.

Протест против политики Максимиана, вылившийся в открытое восстание против него, разразился прежде всего в Африке. Африка была одной из провинций, где издавна преобладало крупное землевладение. Являясь страной крупного, по преимуществу императорского, землевла-

дения, Африка одной из первых и сильнее всего ощутила на себе появление и развитие новых форм эксплуатации—колоната, закрепощения ранее свободных мелких земледельцев. О растущей эксплуатации колоннов свидетельствует так называемая Бурунтанская надпись, относящаяся ко времени Коммода. На основании этого документа мы можем судить, что крестьяне-колонны должны были работать определенное число дней на барщине, но, кроме того, арендатор поместья, так называемый кондуктор, стремился еще увеличить размер барщины. К непосредственной эксплуатации крестьян, как производителей, прибавлялся гнет бюрократического аппарата империи, выражавшийся в растущих налогах, поборах и поставках для армии и для Италии. Этот гнет ложился не только на крестьянское, но и на городское население и давал себя чувствовать зажиточным классам провинции, вызывая этим их недовольство центральным правительством. Особенно эти настроения, как у низов, так и у верхов населения, обостряются во время правления Максимиана, когда финансовый гнет чрезвычайно усилился (мы уже говорили о том, что к этому Максимиана вынуждали потребности войны с германцами, в которой африканское население не чувствовало себя заинтересованным). Поведение прокуратора Африки, ревностно проводившего политику Максимиана, вызвало вспышку протеста, которая охватила почти все слои населения. Поводом ко всеобщему возмущению послужила угроза разорения прокуратором нескольких членов богатых и знатных фамилий. В г. Тиздре собравшейся под влиянием их агитации толпой, большинство которой составляло сельское население (H e r o d., VI, 4), прокуратор был убит. Ростовцев утверждает, что африканские события ни в коем случае нельзя считать крестьянским восстанием, основываясь на данных Геродиана о том, что движение начали и возглавляли представители класса землевладельцев, а крестьяне, участвовавшие в возмущении, были колоннами или рабами, защищавшими своих господ по их приказанию.

Действительно, Геродиан говорит о том, что молодые люди, которым угрожало разорение от прокуратора, *καλέουσι τοὺς ἐκ τῶν ἀγρῶν νεανίσκους* (H e r o d., VII, 4), и далее, когда собралась толпа, они приказали ей следовать за собой—*τὸ μὲν πλῆθος τῶν οἰκητῶν καλέουσιν αὐτοῖς ἕπεσθαι* (ibid., VII, 4). Но из того же текста Геродиана ясно видно, что толпа рабов и колоннов, принадлежавших преследуемым землевладельцам, составляла только часть общей массы собравшихся—*ὡς ὄντας μέρος τοῦ ὄχλου* (H e r o d., VII, 4). Да и то обстоятельство, что зависимые крестьяне последовали за своими господами и приняли активнейшее участие в возмущении, говорит о том, что крестьянство составляло одну из основных сил движения, что в его среде давно уже назревала готовность к восстанию и нужен был только повод, чтобы оно разразилось. Однако африканские события, конечно, нельзя сводить только к крестьянскому восстанию. В движении большое участие принимало население городов, прежде всего г. Тиздра, где начались события—*τὸ λοιπὸν πλῆθος συνδραμόντων ἤδη καὶ πάντων τῶν κατὰ τῆν πέλιν* (H e r o d., VII, 5), затем население Карфагена, которое, как говорит Геродиан, шло поголовно сражаться с Капеллианом, а также население других городов. О том, что города принимали участие в движении, свидетельствуют репрессии Капеллиана против многих городов (H e r o d., VII, 9).

Таким образом, движение в Африке представляло собою движение широких демократических масс, но оно здесь переплеталось также с сепаратистскими тенденциями провинции, ибо в движении принимали участие

и высшие классы, и в целом оно было направлено против существовавшей в тот момент центральной императорской власти, против особенно вопиющих зол ее бюрократического аппарата и выразилось в стремлении выдвинуть своего императора. Выбор восставших пал на проконсула Гордиана и его сына, бывшего при нем легатом. После их согласия движение приняло очень широкие размеры, вся Африка отпала от Максимиана (*ibid.*, VII, 5). Гордиан со своей военной свитой перенес свое местопребывание в Карфаген, который сделался тогда как бы столицей империи. Геродиан говорит, что Карфаген имел вид и величие Рима (VII, 6).

Первыми шагами Гордиана, как правителя, было стремление укрепить и узаконить свое положение; с этой целью он пишет в Рим к народу и сенату, сообщая о своем избрании и обещая уничтожить все злоупотребления максиминова правления—систему доносов, казней, ссылок без суда и т. п. (*ibid.*, VII, 6). Но не ограничиваясь этим, Гордиан прибегает к насильственному устранению представителей власти Максимиана; так, он посылает квестора и центурионов с воинами, чтобы убить префекта преторианцев Виталиана, который был другом Максимиана и во всем проводил политику последнего, а поэтому мог помешать признанию Гордиана сенатом. Это предприятие увенчалось успехом; Виталиан был убит, убившие его распустили слух, что убит даже Максимиан, и сенат, не проверивши правильности слухов, признал Гордианов императорами (*ibid.*, VII, 7).

Дальнейшие события в Африке развиваются следующим образом: Гордиан, продолжая свою политику устранения чиновников Максимиана и замены их своими, отрешил от должности легата Нумидии Капеллиана, в распоряжении которого находились значительные военные силы. Последний, не желая подчиниться новому императору, выступил с войском против Карфагена. Гордиан, имевший в своем распоряжении очень мало регулярных войск, и население Карфагена, хотя, как было уже упомянуто, единодушно защищавшее свой город, не могли противостоять войскам Капеллиана, так как не имели оружия и не были знакомы с военным строем. Вооружение карфагенян составляли кинжалы, топоры, охотничьи копья и самодельные щиты. Это нестройное войско было быстро опрокинуто и обращено в бегство нумидийской конницей. В беспорядочном бегстве карфагенского ополчения погиб младший Гордиан, которому было поручено командование; старший Гордиан покончил самоубийством, когда убедился, что его дело проиграно. Ворвавшийся в Карфаген вслед за бегущими Капеллиан начал жестокую расправу с побежденными. Ростовцев фактом поражения в этой борьбе Гордиана хочет подтвердить свое положение, что в движении Гордианов не участвовали широкие массы, что число их защитников было меньше, чем армия Капеллиана. Этому, однако, противоречит указание Геродиана, который ясно говорит, что карфагенцы превосходили численностью—*οἱ μὲν Καρχηδόνιοι ἔχλω ἦσαν* (*ibid.*, VII, 9), но были слабее вооружением и военной организацией. Действия победителя—Капеллиана—еще раз опровергают утверждения Ростовцева и других, считающих Максимиана представителем крестьянства. Его репрессии обрушились не только на знать и зажиточное население городов; он изгонял всех жителей города, отпавшего от Максимиана, а поля и села представлял грабить и жечь своим солдатам (*ibid.*, VII, 9). Отсюда видно, как мало политика Капеллиана выражала собой интересы крестьянства.

Тяжесть бюрократического государства ложилась также на плечи италийского и римского населения, а правление императора, варвара по

происхождению, ставленника провинциальной армии, стало особенно ненавистным после того, как его финансовая политика больно ударила по общественному хозяйству городов (*ibid.*, VII, 3). Это враждебное отношение распространялось также и на армию, в которой угнетенное население видело виновника всяких финансовых тягот и главную опору ненавистной власти. Вот почему убийство Виталиана посланцами Гордиана и слух о падении Максимиана послужили сигналом для выступлений римского плебса. Все, что представляло правление Максимиана в Риме, было с яростью уничтожено—его статуи, изображения. Доносчики, префекты, судьи, друзья Максимиана, находившиеся в Риме, все те люди, которые являлись орудиями его политики террора, подверглись избиению. Движение напоминало картины гражданских войн—*ἔργα πολέμου ἐμφυλίου ἐγένετο* (*ibid.*, VIII, 7). Был убит также и префект города Сабин, пытавшийся остановить возмущение. Сенат, который самостоятельно был не в силах, да и не намеревался выступать, воспользовался сложившейся после возвышения Гордианов в Африке ситуацией и признал Гордианов с целью противопоставления их Максимиану. Возглавив, таким образом, движение против Максимиана в Италии, сенат стремится привлечь на свою сторону население всей Италии и склонить провинции к отпадению от Максимиана. С этой целью были посланы представители сената в города Италии и провинций с призывом отложиться от Максимиана и стать на сторону сената.

Старания сената в известной мере увенчались успехом; многие провинции отложились от Максимиана и присоединились к Риму; италийское население, как это показали дальнейшие события, тоже готово было оказать решительное сопротивление войскам Максимиана. Таким образом, временно создалась коалиция всех слоев населения с сенатом, к которой впоследствии также временно примкнули некоторые части войска. Однако такая коалиция не могла быть долговечной, ибо в ее состав входили различные социальные группы, интересы которых были противоречивы. Непрочность этой коалиции очень скоро дала себя знать. Уже в момент первого взрыва ярости римского плебса против Максимиана проявилась также вражда низших слоев населения к зажиточным группам. Так, Геродиан (VII, 7) сообщает, что погибло много людей невинных, из тех, которые навлекли на себя ненависть народа ростовщицеством или вообще богатством.

В дальнейшем ходе событий противоречия отдельных элементов, объединившихся в борьбе против Максимиана, сказываются еще резче. Когда Гордианы были убиты в Африке, а Максимиан, узнав о низложении его сенатом, отправился в поход против Италии, сенату, который мог ожидать только свирепой расправы, ничего не оставалось делать, как продолжать сопротивление. На заседании, собранном в храме Юпитера Капитолийского, из состава сената были избраны два императора—М. Клодий Пупиен Максим и Целий Кальвин Бальбин. Вопрос, почему сенат избрал именно двух императоров, не является решенным до сих пор. Возможно, что к этому вынуждали обстоятельства момента—необходимость одному императору организовать оборону страны от наступающих войск Максимиана, а другому—охранять порядок в самом Риме. Именно таким образом и были распределены между ними обязанности. Может быть, здесь также играло роль стремление сената предотвратить возможность тирании императорской власти, когда она сосредоточена в одном лице. Вообще же в ту эпоху мы знаем много примеров одновременного правления двух соправителей: Марк Аврелий и Луций Вер, Каракалла и Гета, Элагабал и Александр Север, два Гордиана, два Максимиана.

Выбор сенатом в качестве императора Пупиена Максима, который ранее был префектом города и отличился жестоким отношением к плебсу, вызвал протест последнего. Дело приняло очень опасный оборот для сенаторов. Народ, вооружившись дубинами и камнями, заградил выход из Капитолия, и даже вооруженная свита вновь избранных императоров не была в состоянии его рассеять (*ibid.*, VII, 10). Новым императорам угрожала опасность быть побитыми камнями. Так как народ требовал императора из дома Гордианов, то сенат вынужден был присоединить к двум избранным им императорам, в качестве цезаря, внука Гордиана старшего, в будущем Гордиана III.

Разыгравшиеся вслед за этим события представляют собою момент наибольшего обострения борьбы между народом и армией. Внешне события разворачивались следующим образом (*ibid.*, VII, 11): на одном из заседаний сената, посвященном обсуждению создавшегося положения, сенаторы Галликан и Мекинас поразили кинжалами двух безоружных воинов из числа тех, которые были оставлены Максимом в лагере, расположенном около Рима, и вместе с народом пришли послушать заседание сената. Совершив убийство, Галликан выбежал к собравшемуся народу с окровавленным оружием в руках и начал призывать его к преследованию и избиению врагов Рима и сената, т. е. воинов. Последние были вынуждены бежать под градом камней и запереться в своем лагере. Но Галликан продолжал побуждать народ к дальнейшей борьбе. Под влиянием его агитации и благодаря его собственным действиям толпа народа сумела вооружиться (были взломаны общественные хранилища оружия, расхищено оружие из частных домов и мастерских, были привлечены даже гладиаторы). Вооруженная толпа отправилась осаждать лагерь воинов, но, конечно, безуспешно, и с наступлением вечера принуждена была отступить. В момент ее отступления осажденные сделали вылазку, яростно напали на бегущих и перебили большое количество их. После этого отношения народа и воинов приняли форму настоящей войны. К осаде лагеря были привлечены собранные Пупиеном для войны с Максимом отряды; неоднократно делались нападения на стены лагеря. Взаимное озлобление достигло наивысшего предела. Наконец, осаждающие решили оставить лагерь без воды и этим принудить воинов к сдаче. Это привело к открытому ожесточенному сражению, которое, начавшись у стен лагеря, было перенесено затем на улицы города, и во время которого, как говорит Геродиан (VII, 12), была истреблена такая часть города, с которой не может сравниться ни один из величайших городов. Дело в том, что народ, скрываясь от преследования в зданиях и на крышах, поражал воинов кирпичами и обломками, а воины, в ответ на это, поджигали дома.

Таковы были события в Риме, в то время как Максимин со своим войском приближался к Италии. Эта ожесточенная схватка между римским населением и воинами является прежде всего борьбой широких народных масс против угнетающей их императорской власти, олицетворение которой они видели в армии. Но здесь, как нам кажется, необходимо подметить еще один момент. Поскольку поводом для столкновения послужил факт убийства сенаторами безоружных воинов, а со стороны воинов до сих пор никаких выступлений не было, и далее представители сената всячески возбуждают ярость народа против воинов, то возникает вопрос: не было ли это провокацией со стороны сената, стремившегося недовольство плебса, которое во время выборов императоров разразилось против сената, направить против армии и тем самым отвратить его от себя? Кажется не слу-

чайным то обстоятельство, что эти события произошли вскоре за выступлением народа против сената.

Максимин, как только до него дошли известия о низложении его сенатом, собрал все свое войско, в числе которого были мавританские копьеносцы и восточные стрелки, и объявил поход на Италию. К войску были присоединены также и германцы, или покоренные им, или вступившие в союз. Так как поход явился внезапным (Максимин выступил спустя три дня после получения известий, *ibid.*, VII, 8) и достаточных приготовлений к нему не успели сделать, то Максимин разделил войско на две части: вперед были отправлены самые надежные и преданные ему войска—паннонские фаланги, остальное же войско двигалось гораздо медленнее, имея при себе все необходимое для настоящих военных действий (*ibid.*, VII, 8). Несмотря на такую серьезную военную силу, направленную против почти безоружной Италии, Максиминому уже в самом начале военных действий пришлось испытать серьезные военные неудачи, которые решили его судьбу. Вопрос о причинах поражения и гибели Максимиана упирается в проблему, какие социальные силы были направлены против него. Уже на примере выступления Гордианов в Африке мы убедились, что против Максимиана были настроены все слои населения, так как все они, хотя, может быть, и не в одинаковой мере, подвергались тяжкому гнету империи, олицетворенной в данном случае личностью чуждой и по происхождению, и тем, что она являлась креатурой провинциальной армии, выражавшей интересы этой армии. Фракийское происхождение Максимиана и то обстоятельство, что он достиг престола при поддержке армий северо-восточных провинций, позволяют поставить вопрос: являлся ли он представителем и защитником интересов населения этих областей и не пользовался ли он в таком случае его поддержкой? Однако, что касается низших слоев населения этих провинций, в частности крестьянства, то мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Фракийская надпись выражает жалобу крестьян деревень Скаптокары и Гресеи императору Гордиану III и ответ последнего — *παρὰ χωρῆτων Σκαπτοκαρῆων τῶν καὶ Γρησιῶτων*¹. Надпись относится к 238 г., следовательно, те явления, на которые жалуются жители деревень, существовали как раз во время правления Максимиана. Жалоба была передана императору Гордиану через посредство Аврелия Пирра, воина преторианской когорты, очевидно, ветерана, жившего в этой деревне. В ответ на эту жалобу Гордиан дал распоряжение провинциальному управителю (*πραιποσίτης*) Диогену, который, как предполагают исследователи², был управляющим императорских (Максимиана) имений во Фракии, а Скаптокара тоже, возможно, являлась таковым. Из надписи видно, что деревня лежит между двумя лагерями и недалеко от нее находятся теплые источники. Крестьяне жалуются на то, что они подвергаются насилиям и злоупотреблениям различных начальников и солдат, которые, поселяясь в деревне или ненадолго останавливаясь, заставляли жителей приносить им подарки, бесплатно доставлять провиант и бесплатно служить. Из надписи видно, что крестьяне жаловались неоднократно. Крестьяне заявляют, что они доведены до нищеты, не в силах уплачивать государственные налоги и повинности, что их деревня опустела, так как многие покинули свои очаги, и что для оставшихся единственным выходом остается последовать их при-

¹ CIL, III, 12, 336, Syll., 418. Надпись в этой связи использована Н. А. Машкинским в «Историческом журнале», 1937 г., № 5, стр. 142.

² A b b o t t and J o h n s o n—Municipal Administration in the Roman empire, London, 1926.

меру. Эта надпись лишний раз опровергает утверждения Ростовцева, что якобы Максимин стремился восстановить и улучшить положение крестьянства. Мы видим, что крестьянство нищало, деградировало именно под действием чиновничьего и военного аппарата императорской власти, и, следовательно, крестьянство никак не могло являться социальной опорой Максимина и поддерживать его. Что касается отношения других групп населения северо-восточных провинций к Максимину, то главной его опорой были войска. Избравшие его паннонские легионы остаются ему верными до конца; их, как самых надежных, он посылает в качестве авангарда в Италию; они сожалеют о его смерти (H e r o d., VIII, 6).

В нашем распоряжении мало данных, чтобы сделать исчерпывающие выводы относительно того, какие еще слои населения и в каких провинциях поддерживали Максимина. Но о том, что Максимин имел кое-где сторонников, даже в то время, когда против него поднялось всеобщее возмущение, свидетельствует одно обстоятельство, о котором вскользь говорит Геродиан (VII, 7), а именно: когда сенат разослал всюду послов с призывом отложиться от Максимина, то некоторые области отказались последовать призыву сената; там или убили послов, или, связавши, отправили их Максимину. Какие это области—Геродиан нам не сообщает. Hohl¹, ссылаясь на исследование Моммзена и Домашевского, считает, что верными Максимину остались Испания, Дакия и Паннония. Во всяком случае вопрос о сторонниках Максимина является очень интересным и должен быть подвергнут дальнейшему исследованию.

Но если Максимин и имел сторонников, то число их весной 238 г. было очень незначительно по сравнению с массой его врагов. В Италии, как уже указывалось выше, все слои населения были охвачены враждой и страхом к Максимину и его войскам. Вот почему Максимину уже при самом вступлении в пределы Италии пришлось столкнуться с единодушным сопротивлением, которое сначала имело пассивные формы. Первый итальянский город, стоявший на пути Максимина, Емона—был легко взят его войсками только потому, что он был совершенно покинут своими жителями, которые, кроме того, сожгли двери домов и храмов и уничтожили пищевые припасы (H e r o d., VIII, 1). Таким образом, войску Максимина уже с самого начала пришлось терпеть голод и как раз перед трудным походом через Альпы. Вторым и последним городом, с которым Максимину пришлось иметь дело, была Аквилея, крупный торговый город на берегу Адриатического моря, узловой пункт для сношений Италии с северными провинциями. Жители города, число которых было умножено скрывшимся в его стенах окрестным населением, приготовились к решительному сопротивлению. Защитой города руководили консулы сената Криспин и Менофил. Были восстановлены крепостные стены, башни и бойницы, завезено достаточное количество продуктов, город был обеспечен водой. Посланный Максиминим авангард из паннонцев безуспешно пытался осадить Аквилею. Послы Максимина, пытавшиеся склонить аквилейцев к мирной сдаче, также не имели успеха.

Между тем, чтобы подойти со всем войском к самому городу, Максимину предстояло еще одно препятствие—переправа через разлившуюся вследствие таяния снегов реку Sontius, мост через которую был сломан аквилейцами. После нескольких дней бездейственного стояния был наведен временный мост из винных бочек, по которому войско переправилось. Под-

¹ RE, 10 art. 526.

ходя к городу, воины опустошили все поля, вырубili сады и виноградники, уничтожили все предместья города. Окружив со всех сторон город, войско принялось яростно осаждать его, но встретило не менее упорное сопротивление. Все жители принимали активное участие в обороне своего города, так как его падение означало бы их верную гибель. С обеих сторон применялись различные боевые средства: осаждающие пытались сокрушить стены машинами, а осажденные поливали их горящим составом из смолы, серы и селитры (H e r o d., VIII, 4).

Войско Максимиана, рассчитывавшее на быстрый успех, начало разочаровываться и действовать медленнее, репрессии Максимиана вызвали только озлобление против него.

Решающим обстоятельством, которое определило исход борьбы, был недостаток продовольствия, от которого начало серьезно страдать максиминово войско. Окружающая местность была оставлена жителями и опустошена солдатами, подвоз продовольствия был отовсюду отрезан, так как сенат разослал консулов с отрядами преградить все дороги, занять все заливы и пристани. Войско, живя под открытым небом, терпело от непогоды, от голода, от недостатка воды и не могло двинуться дальше, не имея средств передвижения.

В такой обстановке в войске началось разложение, особенно усиливаемое слухами о всеобщем возмущении против Максимиана. Как и в первые дни после его возвышения, сказались противоречия и разногласия между отдельными частями войска. На этот раз опять, как некогда осроенские стрелки, против Максимиана поднялся II парфянский легион; его лагерь находился недалеко от Рима и потому солдаты боялись за своих близких. Воспользовавшись тем, что все войско отдыхало, мятежники подошли к палатке Максимиана, уничтожили его изображения на знаменах, а затем убили его самого, вышедшего их уговаривать. Вместе с ним были убиты его сын, префект преторианцев и другие его приближенные. Все остальное войско безмолвно, как говорит Геродиан (VIII, 6), выслушало известие о гибели своего императора; многие, особенно паннонцы и фракийцы, сожалели о нем и, только по необходимости примирившись с случившимся, притворно выказывали свою радость. Осада Аквилей была снята, войско признало императоров, выбранных сенатом. В Равенну, к Пупиену, а затем в Рим было послано посольство с известием о победе над Максимианом.

Поражение Максимиана означало временную победу и возвышение сената, сумевшего организовать и возглавить борьбу против императора, ставшего ненавистным всем. Но это возвышение было очень недолгим. Армия, игравшая в государственной жизни большую роль и имевшая большую силу, скоро снова взяла верх, свергла и уничтожила сенатских императоров.

